

ИНТЕРВЬЮ 28.08.2023

«Происходит настолько интенсивная зачистка, что политические оппоненты падают с неба»

Руководитель российской программы Фонда Эберта Алексей Юсупов о конце «Вагнера», репрессиях и стабильности путинской системы

Интервью провел Николаос Гавалакис

Итак, главарь «Вагнера» Евгений Пригожин погиб в авиакатастрофе, вероятно, в результате сбития самолета. Какие последствия это может иметь для России?

Вероятно, нам придется еще немного подождать, прежде чем мы будем знать, что именно произошло. Но была ли это ракета или бомба, на самом деле не имеет значения. Абсолютное большинство российского общества считает, что катастрофа была ответным ударом Кремля. Я вижу два основных последствия. Первое – дальнейшая интенсификация репрессий, которые и без того значительно усилились после июньского бунта «Вагнера».

Конечно, можно сказать, что репрессии и раньше были очень характерны для России. Но в деле устранения молчаливых (и не очень) политических оппонентов еще есть где развернуться. Мы имеем волну репрессивных мер. Абсолютно безосновательный новый приговор Алексею Навальному, с дополнительными 19 годами заключения. Арест Игоря Гиркина, ультранационалистического блогера, ответственного за первый прорыв России на восток Украины в 2014 году. Арест левого диссидента Бориса Кагарлицкого. А совсем недавно был задержан самый известный наблюдатель за выборами в стране Григорий Мельконьянц, который даже не был какой-то значимой оппозицией.

Думаю, это будет продолжаться. В ближайшем будущем репрессивный аппарат будет отгрызать все, что имеет признаки оппозиционности или диссидентства – даже в собственных рядах.

Это что-то новое, кстати: репрессии теперь направлены против инсайдера системы, который, вероятно, осмелился сам говорить с народом, передавать политические меседжи, то есть претендовать на прерогативу Владимира Путина. Поэтому система становится еще более репрессивной и агрессивной.

В ближайшем будущем репрессивный аппарат будет отгрызать все, что имеет признаки оппозиционности или диссидентства – даже в собственных рядах

Происходит настолько интенсивная зачистка, что политические оппоненты падают с неба над центром России. Это поворот к такому грубому и при этом почти театральному применению силы, что, конечно, все общество в шоке. Если это средства, к которым прибегает Кремль, то это новая глава в политическом мышлении Владимира Путина. Это должно заставить задуматься всех, кто до сих пор считает его рациональным главой государства, который, возможно, ошибается в некоторых решениях, но в целом является достаточно умным.

Второе последствие заключается в том, что из-за усиления репрессий режим в среднесрочной перспективе потеряет один из столпов своей легитимности, а именно образ достаточно умной, дружелюбной, возможно, несколько непутевой геополитически, но в целом нормальной страны. До сих пор это был внутренний образ, и я вижу, что он начал шататься.

Отдельные члены «Вагнера» отреагировали на то, что произошло. Стоит ли опасаться нового бунта?

Посмотрим. Не стало двух важнейших людей: Пригожина и его заместителя, Дмитрия Уткина. Теперь все зависит от командиров, которые придут после них. Например, Антон Елизаров, позывной «Лотос», или Андрей Трошев, позывной «Седой» – кто-то из них следующий в порядке командования. Пока от них ничего не слышно. Для меня понятно: «Вагнера» как группы, как организации, больше не будет. Он уже не будет выполнять никаких геополитических функций, даже в Африке. Возможно, он пройдет ребрендинг или часть людей возьмут на себя другие задачи, а новые миссии будут отдаваться другим квазичастным компаниям, таким как «Редут». Кроме того, теперь становится все более очевидно, что за этот переходный период, за эти два месяца между бунтом и падением самолета, российское государственное руководство в очередной раз проанализировало текущую ситуацию. С одной стороны, бунт был рассмотрен и

переосмыслен: кто был в нем замешан? Например, генерал Сергей Суровикин, которого уволили с должности главнокомандующего воздушно-космическими силами. С другой стороны, была подготовлена нейтрализация «Вагнера», его распределение и проверка, где еще можно использовать эту группу.

*«Вагнера» как группы,
как организации, больше
не будет*

«Вагнер» на сегодня, по моему мнению, не в состоянии действовать как целостная организация. Я бы не ожидал путча, бунта. Это не значит, что не может быть каких-то единичных действий убежденных сторонников. Но масштаба событий двухмесячной давности они уже не будут иметь. Мы также видим движения солидарности. Например, всю ночь лежали цветы перед штаб-квартирой «Вагнера» в Санкт-Петербурге, которая в последние два месяца уже пустовала. Многие воспринимали Пригожина как некоего патриотического Робин Гуда, который боролся против коррупции элит. Те цветы утром убрали, но принесли новые. Здесь есть эмоциональный момент. Мы знаем, что в Ростове-на-Дону – городе, с которого два месяца назад начался марш на Москву – полиция была приведена в боевую готовность на случай митингов, акций солидарности или даже гнева. Но на главную площадь города вышел лишь один демонстрант с символикой «Вагнера». Чрезвычайно сдержанно. Поэтому я не ожидаю каких-то насильственных проявлений недовольства.

Смерть Пригожина, новый приговор Навальному, атаки беспилотников на Москву. Насколько на самом деле хрупка российская мощь?

Кроме упомянутых, есть и другие факторы, определяющие общую нагрузку на режим сейчас, например, экономическая ситуация. Рубль сильно слабеет, недавно его курс к доллару превысил 100. Это стало важным психологическим барьером. Некоторые из успехов, которых центральный банк достиг сразу после вторжения, сейчас сводятся на нет. Это отражается на текущей

экономической ситуации. Ее пока можно представлять как положительную из-за наращивания темпов развития вооруженных отраслей, но всем становится понятно, что через год-два экономику действительно ждут серьезные потрясения. Это проявляется во многих факторах: в горизонте ожиданий потребителей, в решениях компаний, в кредитном поведении. Сейчас, бесспорно, время большой неопределенности. Граждане больше ничего не планируют. Долго так править режим не сможет, к тому же скоро выборы: сначала региональные осенью, а потом президентские в следующем году. В такой ситуации режим становится жестким и репрессивным. Теперь уж точно нельзя допускать ошибок.

Режим очень охотно применяет силу

И слишком много ошибок было сделано. Значит ли это, что режим, наоборот, очень хрупок? Я бы не утверждал. Режим очень охотно применяет силу. Конечно, это связано с определенными затратами и рисками, потому что-то может пойти не так. Мы находимся в ситуации, когда напряжение в путинской системе настолько велико, что реакцией на малейшую опасность может быть насилие: внешнее, внутреннее, экономическое, против социальных протестов и политических диссидентов, которые были предусмотрительно убраны. Это влечет за собой риски. Я не вижу каких-то структурных недостатков режима, я вижу просто ситуацию, в которой столько нервов, что легко могут произойти ошибки. Более того, сейчас даже «лояльные» игроки вроде Пригожина могут допускать роковые ошибки, как получилось с его бунтом. И склонность к ошибкам – именно то, на что мы должны обратить внимание.

Шатается ли трон под Путиным?

Уже циркулируют самые разные теории относительно того, кто инициировал нападение. Я не очень люблю углубляться в конспирологию. Но сама вероятность того, что это был вовсе не Путин, а кто-то другой из политической системы или из властных элит, конечно, заставляет президента выглядеть слабым. Короче говоря: если это сделал Путин, он выглядит мстительным и, как

следствие, слабым. Если это сделал не он, а кто-то другой, то он выглядит еще более слабым. В этом смысле агрессивность не синоним силы. Конечно, в краткосрочной перспективе она означает стабилизацию. Но в долгосрочной – потерю престижа, будущей жизнеспособности, а также доверия, ведь элиты все чаще будут задавать вопрос: «Путину уже 70, как он собирается управлять страной в будущем?» И этот вопрос становится все более острым.

Алексей Юсупов
Берлин

Алексей Юсупов (Alexey Yusepov) – руководитель Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял Представительства Фонда в Мьянме, Афганистане и Казахстане. Он также работает политическим консультантом и модератором.